

Два пути

Широко и обильно, во все концы, растянулась зеленая степь. Сыто и весело живет на ней всякой твари. Сочный ковыль, пахучий чебер и мята, красавцы -- тюльпан да ирис, -- чистая вода сладких, зеркальных озер, -- всё дано Аллахом на потребу скоту и человеку, и всякий должен благословлять Творца за всё, что Им кому ниспослано и не завидовать другому, не желать менять раз назначенную ему дорогу.

Так повелел Аллах, и благо тону, кто следует безропотно Его велениям.

В этой чудной степи наелась пара молодых лошадок. Одна была белая, как снег, и звали ее за то "Снежок", другая -- черная, как воронье крыло, и звали ее "Уголек".

Они были очень дружны между собою, вместе росли и резвились, вместе щипали сочную траву и не знали никаких забот, никакого горя.

Раз как-то, резвясь и прыгая, набежали они на старого-престарого, умирающего верблюда. Безобразное, исхудалое животное кротко взглянуло на них своими уже потухающими глазами и проговорило:

-- Милые дети! Кто из вас возьмет мою торбу, вон она лежит, забытая хозяином, и принесет мне хоть каплю воды из того светлого озера?..

-- Вот еще! -- надменно возразил Уголек, -- стану я трогать эту гадкую, вонючую торбу, стану служить тебе! Мы лошади породистые, нам служить всякому не приходится.

Снежок только хотел повторить то же самое, да взглянул в глаза умирающему и ему стало жалко старика безобразного. Он схватил торбу и понесся к озеру, зачерпнул воды и принес напиться верблуду.

-- Спасибо, дети, -- произнес верблюд. -- Поблагодарю вас, чем могу, перед смертью. Последуйте моему совету. Скачите вы всё на восток, к полудню доскачете до забытой богатырской могилы, там увидите долгоносого аиста, крикнет он вам: за мною! Вы от него не отставайте. Остальное узнаете сами. Ты, Снежок, добрее, ты всегда уступай лучшее своему товарищу. Пойми ты это и помни!

Последние слова верблюд произнес тихонько, только чтобы один Снежок его мог слышать, взглянул последний раз на молодежь, вздохнул глубоко-глубоко и умер.

-- Что же, поскачем! -- тряхнул гривкою Уголек.

-- Поскачем! -- согласился Снежок.

И понеслись оба по указанному направлению.

Еще солнце не совсем поднялось на полдень, увидели они забытую могилу, а

на ней, на вершине косматого гнезда, давно уже сидел долгоносый аист, поджидая наших лошадок.

-- За мною! -- крикнул он повелительным голосом, взмахнул огромными, сильными крыльями, подскочил и плавно полетел, стелясь над самой землею. Снежок и Уголек поскакали за ним следом.

С каждым шагом вперед степь становилась беднее и печальнее, давно уже не видно сочного ковыля, давно не ласкает глаз красная точка тюльпана.

Мертвая, сожженная солнцем пустыня, развернулась перед глазами путников.

-- Нет, уже поскачем дальше, -- произнес Снежок.

-- Не отставайте! -- грозно прокричал аист, словно заметив минуту сомнения и колебания...

Вспотели бедные лошадки, глаза у них помутились от жажды и зноя... есть захотелось ужасно... а кругом ни кустика, ни былинки, всё погибло от солнечного жара.

-- Стой, -- остановил скачку проводник, -- здесь! -- добавил он, и, отлетев в сторону, спустился на землю.

И видят лошадки прямо перед собою, вдруг выросли два кустика: один был сочный, свежий, весь покрытый чудными зелеными листиками и красивыми алыми цветами, другой -- тощий, сухой, усаженный жесткими колючками.

-- Чур, это мой! -- накинулся на первый проголодавшийся Уголек.

-- Вот, оно что! -- вспомнил последние слова верблюда Снежок и принялся за второй... С голоду и тот вкусным показался.

Только позавтракали кони, аист и говорит:

-- Ну, ребята, каждый из вас съел свою долю. Какая кому досталась, такая и жизнь будет каждому.

Сказал эти слова и исчез, словно сквозь землю провалился.

Повернули назад приятели, и только глубокою ночью возвратились на свои пастбища.

А на другое утро приехали люди, накинули на Снежка и Уголька арканы и повели их в свои аулы.

Довольно, мол, гулять! Подросли, окрепли, -- пора и за работу приниматься. Попал Снежок к хозяину, землепашцу.

Тот кормил его и поил досыта, ласкал и холил, только и работать заставлял его также досыта.

Чуть свет едет Снежок пахать землю, под ячмень да под просо, напашется вволю, отдохнет минутку, -- гайда в степь, за бурьяном да сеном, покормится, -- опять под седло, либо в гости, в дальний аул, либо на охоту с соколом.

Каждую неделю, кроме того, на городской базар надо было возить тяжелую ношу, а базар был далеко. Целые сутки без отдыха приходилось быть в дороге.

-- Что же, может, так и надо, может быть, и хуже участь бывает, -- думал

Снежок, и не сетовал на покойного верблюда.

Об участии своего друга он не знал ничего, с тех пор, как их разлучили -- и не видал его, и не слышал о нем ни от кого ни слова.

Раз, как-то пахали они с хозяином, а день был жаркий и в воздухе носились тучи мелкой пыли.

И видит Снежок, что в этой пыли засверкало что-то дивное, замелькало золото и сталь, загремели трубы и литавры, и высоко колыхнулись красивые гордые знамена.

Из-за горы большое войско выступало и сплошной лентой тянулось на запад. Сначала всё конные шли, без числа, без счету, длинные пики, словно лес шумели над головами всадников, своими значками, да конскими хвостами крашеными.

За пешими повезли тяжелые, медные пушки... Словно гром гремел у них под колесами, цепи железные бряцали, сверкали на солнце грозные золоченые, покрытые сплошь священными изречениями Корана.

А позади всех ехал отдельно седобородый всадник, опустил поводья, творя шепотом молитву, набожно перебирая сухими пальцами янтарные четки.

Над стариком несли большое зеленое знамя, два молодых конюха обмахивали его легкими опахалами.

Посмотрел на старого вождя Снежок и сердце у него защемило.

Видит он коня под ним вороного. Выступает конь гордо, грызя серебряные удила, чепрак на коне шелками вышит и жемчугом, узда и седло сплошь дорогими камнями покрыты.

Узнал Уголька Снежок; узнал-ли Снежка Уголек -- неизвестно, только покосился будто в его сторону: что это там, мол, за мужик такой на нас глазеет!..

-- Гадкий верблюд, злой обманщик! -- рассердился Снежок на покойника, -- это он мне, за мое добро, послал рабочую тяжелую долю.

Ушло войско, скрылось из глаз, -- вернулись домой наши пахари.

Не спится Снежку, не хочется есть даже... Всё ему завидная доля товарища грезится.

Прошла неделя.

Собрался хозяин-хлебопашец в город, на базар, навьючили на спину своей лошади два тяжелых мешка пшеницы, и отправились оба в дорогу.

Стало солнце склоняться за полдень, обгоняют их стороною волки да шакалы стаями несметными.

-- Куда эхо вы, разбойники, воры поганые? -- крикнул им человек.

-- А туда, -- отвечают шакалы да волки, -- где нам добрые люди большой пир приготовили.

Обгоняют их орлы да ястребы, вороны да совы ночные... такими стаями, что

даже солнце померкло.

-- Куда это вы, хищники ненасытные? -- крикнул им человек.

-- А туда, -- отвечают орлы да ястребы, вороны да совы ночные, -- где добрые люди нам большой, богатый пир приготовили.

Закатилось солнце за холмами, жалобный стон слышно в воздухе вечернем носится... Поднялась солнцу на смену луна красная, поднялась повыше и сама побледнела, осветив кровавое побоище.

Что ни шаг шагнуть -- то лежит мертвый или умирающий; вся земля пропитана черною кровью. В пыли и грязи валяются рваные знамена, доспехи ратные.

И видит Снежок, лежит его товарищ детства, нет на нем уже седла богатого, вместо камней драгоценных, да золотого шитья, сплошь покрыт зияющими ранами... исколот, изрублен, а всё силится поднять свою голову, а кругом сидят волки да шакалы, ждут, поджидают последнего вздоха, уже близкого.

-- Вот оно что! -- снова вспомнил Снежок верблюда старого, пожалел от души товарища и бодро, и радостно потащил далее свою тяжелую ношу.

Всё дано Аллахом на потребу скоту и человеку, и всякий должен благословлять Творца за всё, что кону ниспослано, а не завидовать другому, не желать менять раз назначенную ему участь.

Так повелел Аллах, и благо тому, кто безропотно следует его велениям.